

Мила Коротич

ЖИЗНЬ НА ВКУС

Vol.2

12+

Мила Коротич

Жизнь на вкус.

Vol.2. Каждому своё

«ЛитРес: Самиздат»

2008

Коротич М.

Жизнь на вкус. Vol.2. Каждому своё / М. Коротич — «ЛитРес: Самиздат», 2008

Чтобы выжить в этом сложном, красивом, многослойном, перепутанном и дырявом мире одним приходится притворяться другими, а другим - охотиться на первых, чтобы выбраться отсюда, из места, где время более определенное, чем пространство. И никогда не знаешь точно, кто рядом с тобой живет в соседней квартире - просто злодей или зачем-то ожившие вещи...Весь авторский гонорар за книгу идет в фонд детского хосписа "Дом с маяком".

Содержание

На дороге...	5
Анальгин	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Мила Коротич

Жизнь на вкус. Vol.2. Каждому своё

Весь авторский гонорар за книгу идет в фонд детского хосписа "Дом с маяком" <https://mayak.help/>

На дороге...

Красное на сером – это ярко. Не так однозначно и грубо, как черное с красным. Но ярко, нельзя не заметить. Я утешаюсь этой мыслью, кутаясь в уже совсем не согревающий плащ из лаке пурпурного цвета. Плащ похрустывает, поскрипывает при каждом движении. Дождь стекает струйками по складкам одежд мне в туфли и вытекает оттуда через швы. Я как принцесса на горошине из сказки Андерсена. В самом начале.

Плащ так себе, одно название, но он мне нужен. Под проливным дождем в нем зябко, а мне идти пешком далеко. Да еще и по почти не мощеной дороге. Вот я и надеюсь на свой красный лаке – так проще поймать попутку, ведь меня увидят издалека. Если в это время суток здесь вообще бывают попутки. Автобусы-то точно здесь не ходят уже в десять вечера, а такси по мобильнику я вызвать не догадалась. Торопилась. Забыла трубку в квартире. Здраво рассудить если, то и правильно, что не вызвала: пусть о предстоящем деле знают как можно меньше людей.

Между лужей под названием «дорога» и лужей под названием «тротуар» я иду по тонкой грани. Она «бордюр» называется. Какова ирония-то: я в этой жизни постоянно хожу по таким вот «бордюрам», между чем-то одним и чем-то другим, и не сойти с «дорожки» без потерь. А спроси меня сейчас кто-нибудь: куда это я в двенадцатом часу ночи в гламурненьком плащике китайского разлива горной козой скачу под дождем по редким бетонным камешкам, я отвечу: «В прачечную». Ответ гениальный, правда? Меня никто не подвезет, и даже плащик не поможет. Подумают: «Сумасшедшая». А я ведь чистую правду про прачечную скажу. Вот, снова каламбур получился... И почему я зонтик не взяла? Сама не знаю.

Щели между новыми плитами на мощеной дорожке у той прачечной покрылись молодой зеленой щетиной. Дорожку совсем недавно, кажется в марте, заново вымостили серо-коричневыми восьмиугольниками – с претензией на элегантность. Но делали наспех, как обычно, и уже к апрелю под новыми плитами зачавкала старая земля, изрядно расхлюпанная весенними дождями. Из-под плит пробивается трава, вопреки всему...

Вот и я вопреки всякому здравому смыслу иду под дождем по осколкам бордюра, отставив в сторону левую руку: голосую и поддерживаю равновесие. К полуночи я буду на месте. Должна. В любом случае.

О, чудо! Кто-то всё же ездит в Ромашевске по ночам! Пусть это даже такая страшненькая колымага, как та, что вывернула из-за поворота. Ну, мой красный плащик, я надеюсь на тебя! Ха, не подвел, родимый! Но мог бы и получше что-нибудь выбрать, чем этот житель свалки, сбежавший от эвакуаторов. Или это его за непристойный внешний вид оттуда выгнали?...

Полуразбитое нечто остановилось прямо возле меня. Искоржеженная дверца гостеприимно распахнулась. Я шагаю к машине. Туфли окончательно промокли. Это уже просто калоши какие-то. Но с грани между чем-то-не-важно-чем без потерь не сойдешь. Любимые лодочки принесены в жертву их хозяйкой. Заглядываю вовнутрь. Невероятно худой и высокий шофер, такой бледный, что это видно даже в темной кабине, с гладкими как галька глазами, глазами без зрачков, посмотрел на меня. Я слишком поздно опустила глаза, успела хватануть его мыс-

лей. Вот если бы не дождь и не дефицит времени, я ни за что бы со Смертью в одной машине не поехала!

Пасха в этом году поздняя – в мае. А в тот год, когда у моего тощего мрачного водителя появился этот микроавтобус, ее отмечали в апреле. Двенадцатого, кажется. Тогда, не смотря на календарную весну, голубое небо над Ромашевском проглядывало редко. Теплый южный ветер, разгоняющий зимние облака и наполняющий любого человека непонятной уверенностью, будто все будет хорошо, тоже еще ни разу не прилетал. Чаше моросил дождь. Но трава, как и сейчас, упрямо выбивалась из-под плит, торчала из трещин в асфальте, зеленела то здесь, то там, по всему городу на зло серому дождю.

Вот тогда, почти пять лет назад, за пару дней до Пасхи, а именно в Страстную пятницу, к краю гравийной еще дорожки в прачечную, подкатила грязного цвета "газелька" с госномером 746. Самый естественный цвет для того окружения, ведь грязь начиналась сразу за новеньким тогда бордюром.

Из кабины вышли двое. Один – худощавый молодой парень лет двадцати на вид. Темные волосы, карие глаза, не красавчик, не урод, не запомнишь лица, если не стараться. Второй, тот, что сидел за рулем, мужчина средних лет, поплотнее, посерьезнее. Что про него сказать? Обычный мужик. Хлопнув водительской дверью, вразвалочку он подошел к задним дверям машины. Парень уже стоял там, сунув руки в карманы, ссутулившись, втянув голову в плечи. Морось проникала ему за шиворот.

Оба мужчины поживались, но оба же были без курток. Работа, которую им предстояло сделать, не должна была занять много времени, потому и об одежде никто особо не позаботился. Шофер открыл дверцы и парень вытащил из кузова несколько обернутых в толстый целлофан прямоугольных пластин: три большие и одну маленькую.

– Эт что? – вяло поинтересовался мужчина.

– Да вывески, – ответил парень. – Завтра открываемся.

Вместе они перетащили щиты к свежeweккрашенной, но уже отсыревшей стене здания, к которому вела гравийная дорожка. Большие оказались еще и тяжелыми. Пока переносили их – взмокли и промокли сами.

–

Не погода, а МММ какой-то, – проворчал молодой.

–

Эт почему? – побряхтывая, поинтересовался старший.

–

Морось мелкая и мокрая. Мелкая мерзкая мокрая. МММ.

Каламбур понравился мужчине, он напомнил ему молодость: тогда по глупости сам он вложился тоже в какую-то финансовую пирамиду и, разумеется, прогорел. Потому сейчас тот одобряюще хмыкнул и добавил:

–

И жизнь тож портит... Гадство! – он оцарапал правую ладонь об острый край одного из щитов. Того, на котором было что-то неразборчивое. Глянув на царапину – вроде ничего страшного, – шофер отер кровь о рукав и забыл о ней.

–

Сам вешать будешь? – спросил водитель у молодого человека, отряхивая руки, когда все щиты стояли в ряд у белой стены.

Два из них, поставленные рядом, вместе составляли какое-то слово. Очевидно, это было название компании, но толстая почти непрозрачная полиэтиленовая пленка делала слово нечитаемым. Просто крупные красные буквы на белом фоне. Третий щит – тоже бело-красный, и,

похоже, изображал человека, но детали разобрать было нельзя. Четвертый – маленькая тонкая металлическая пластина, видимо, расписание работы.

–

Да ну, я просто охранник, – ответил парень...

–

Ну, бывай! – бросил на прощанье мужчина уже из кабины микроавтобуса. Парень еще минуту смотрел ему вслед, а потом зашел в помещение.

Следующий день был солнечным. Бело-красная вывеска над входом, составленная из трех частей посверкивала глянец. На кипенно-белом фоне кроваво-красными буквами было написано: «Прачечная «White». Белый значит чистый». Этими же цветами был нарисован чей-то портрет.

Открывали прачечную помпезно, как «первый в нашем городе франчайзинг, а значит, мы привлекательны для иностранных инвесторов». Так вещал «свежеиспеченный» директор вновь открывшегося «совместного предприятия» перед местной прессой. Реакция прессы была разной. Кто-то саркастически улыбнулся, смакуя тот факт, что директор был сыном одного из местных "отцов города" и только что закончил какой-то коммерческий ВУЗ, кто-то искренне стал восторгаться и воодушевляться. Правда, все обратили внимание на сочетание цветов на вывеске: одним оно показалось новаторским, другим зловещим, а при чем тут портрет, не понял никто.

В районной газете, в том же номере, где говорилось об открытии «новой общественной прачечной международного уровня» был опубликован некролог. Коллектив автоколонны 1735 выражал соболезнования семье трагически погибшего в аварии Пирогова Ивана Ильича. Водителя кремовой «ГАЗели». Номерной знак 746.

Никто не знал этого, но накануне, 10 апреля, в страстную пятницу, когда Пирогов возвращался в гараж, у него вдруг из царапины на ладони правой руки пошла кровь.

Пирогов уже ехал в гараж. Голодный и усталый он думал о двух вещах: о тещином борще и как бы не заснуть за рулем. Сгущались сумерки, дождь пошел сильнее. Пришлось включить дворники. От включенной печки запотевали стекла и спать хотелось всё больше. Спать и борща.

Борщ был единственным обстоятельством, ради которого Иван терпел присутствие женой матери в своем доме уже третий день. Удивительно вкусный получался борщ у этой старенькой седенькой сухонькой старушки. Пирогов без удовольствия представлял очередной скучный вечер дома, когда наевшись, уснет у телевизора. Да. Теща не тот гость, которому рады. И вроде женщина она не вредная, не та тетка из анекдотов, но как придет к дочери в гости, так и сидят они целыми днями на кухне и шепчутся о чем-то. И вздыхают, так, словно жизнь у них – сплошная тоска, а виноват он. И ни в чем не упрекают. Хоть бы скандал какой закатили, всё легче было бы.

Рука почти не болела. Только руль незаметно стал скользким и мокрым от крови. Безобидная царапина вдруг разорвалась, словно ее надрезали острым скальпелем. Густые черно-красные капли крови сначала скатывались из царапины, раскрывшейся как беззубый лягушачий рот. Потом кровь пошла струйкой, затекая в рукав рубахи. Дворники на лобовом стекле исправно работали. Машин на дорожное не попадалось. Дождь усиливался. Всё сильнее хотелось спать.

К Пироговым давно уже не заходили те, кому рады. Дети выросли, живут сами, только за картошкой по осени забегают. Мать тоже перестала захаживать. Уже и с ремонтом не просит больше помочь. Надо бы зайти, она ж недалеко, всего через пару улиц живет. Друганам тож всё некогда. Всех раскидало, замотало. А лет-то мужикам ну чуть больше, чем сорок пять. А поди ж ты, словно тыщу лет на земле живем, от всего устали.

Печка гудела убаюкивающее. Капли дождя монотонно били по стеклу. Промочив рукав, кровь закапала на брюки.

Без повода никто не заходит. А повода и нет. День рождения уже не справляем который год. На работе премию выпишут, поставишь мужикам пузырь, дочка по телефону звякнет: "Пап, с днем рождения! Мы сегодня не приедем, дела, но желаем тебе всего хорошего, здоровья вам с мамой побольше..." Да мы с матерью вас и не ждем-то уж. Ничего уже не ждем, привыкли. Нормально живем, как все. Только уставать стали сильнее. Да радости меньше как-то. Словно вытекла она, растаяла.

Ивану вдруг так сильно захотелось всех увидеть. Всех дорогих и близких. Собрать их вместе в свой дом, и друзей школьных, и тещу с тестем, и мать свою позвать, и дочку с зятем-занудой, и мужиков из гаража, да и начальник участка, хрен с ним, пусть приходит! Борща на всех наварим! Это ж хорошо, когда гости! Мать блинов напечет, как на дочкину свадьбу! Чтоб гора! И сладкого тож надо на стол, пусть бабы порадуются! Так и сделаем, непременно сделаем, пусть повод будет. Это ж важно, когда все вместе, запросто, это ж добре, как отец его говорил... Тепло разлилось по телу, по ногам.

А сам Пирогов наденет праздничный костюм. Черный, малоношенный, что со свадьбы еще остался. И сядут они с женой во главе стола. Ивану это вдруг так ясно представилось, так, словно вот увидел всё. Вот дом его, вот собрались все, и дочка, и соседи, и даже с работы пришли люди. И борща кастрюля ведерная есть, и блины. И сам он в костюме. Вот только молчат все. Не говорит никто. На него, на Ивана смотрят. А он в костюме черном, из японской ткани. И сказать что-то надо, чтоб люди не молчали. Не глядели так хмуро. А что сказать? Неловко Пирогову стало, что людей собрал, а сказать что – не знает. И костюм на нем как-то не так сидит. Жестко, колом сидит костюм. И узкий какой-то стал, не пошевелиться в нем. И холодно.

Резкий свет ударил в глаза водителю. На дороге были какие-то черно-белые фигуры с красными горящими глазами. Пирогов дернул руль, но правую руку пронзило невыносимой болью. Только сейчас Иван заметил кровь. "А, черт!" успел подумать он напоследок. Шоссе было скользким от дождя: машина врезалась в ограждение и, перевернувшись, ушла в кювет, снеся напрочь несколько бетонных столбиков. Черно-белых, невысоких, с красными светоотражателями.

Водитель так сильно ударился головой о руль, что черепная коробка лопнула как перезревший гранат. Вся кабина была забрызгана.

Откуда я знаю? Мой водитель был там и всё видел с заднего сиденья. Нет, Пирогов в тот день его не подвозил. Просто он – Смерть. А за Пироговым так никто из ангелов не спустился. Смерть дуется за это на небесных. Я посмотрела в его гладкие глаза, когда садилась в кабину искореженной машины. Бледный пижонистый водила, видно, думал о тех прошедших событиях, раз вся история с «газелью» пронеслась в моем сознании. Вот это и значит: прочесть по глазам. Спокойствие, только спокойствие. Сделаю вид, что я – это не я и ничего не видела, у меня же большой опыт в искусстве маскировки.

"ГАЗель" перекорёжило настолько, что починить ее никто не взялся, и машину свезли на свалку. Он взял ее себе. Когда бывает в Ромашевске, иногда ездит на ней по делам. Кое-кто их ангелов считает его пижоном из западных фильмов ужасов. Смерть не сердится: их много – он один, на всех не угодишь. Вот, кстати, проезжаем поворот, где "ГАЗель" потеряла своего последнего живого хозяина. А на обочине голосую я: серенькая девица в промокшем насквозь алом болоньевом плащике, его попучик на час.

– До прачечной не подбросите? – и, не дожидаясь ответа, влезаю в кабину. Обшивку на сидении тут же лопнула. Поролоновая труха кресла впитывала влагу с моего плаща.

Как ни странно, прачечная оказалась крепким предприятием. Пять лет без сбоев, аварий, ремонтов и развития. Осталось еще минут двадцать пути и будем там, на месте.

– Ты шутишь? Подвезу, конечно, нам же в одно место.

Меня каждый раз жуть берет, когда вижу моего водителя на задании. Сейчас главное ничем себя не выдать, даже если уже поздно: ни движением, не взглядом. Не хочу, чтоб он узнал меня. Я так старалась измениться. Слова – лучшая защита. Уберем мокрые волосы за ухо. Улыбнемся – и в бой:

– Я слышала, что водители любят рассказывать истории за рулем. Чтоб не заснуть и не разбиться. Хотите послушать?

– А где привычное: «Привет, что ты тут делаешь?» – в голосе Смерти звучала легкое возмущение. Словно нарушить этикет – это нечто смертельное. Да что я каламбурю-то сегодня весь вечер?!

Перевозчик, похоже, видит во мне родственника, ту, которой я была в начале. Не дождется. Я не собираюсь действовать по привычному для него сценарию. Всё оказалось сложнее, чем я думала. Но мы не ищем легких путей.

– Вы не с кем меня не путаете? – врать я по-прежнему не могу. Зато могу играть словами.

Готова поспорит: он или в недоумении или думает, что я издеваюсь. Зачем я до сих пор придерживаюсь старых правил сознательно не читать чужие мысли?

Андрей размахивал мечом бездумно, но удачно. Со всем веселым азартом, остервенением и яростью, на которые был способен. Он поймал злой кураж битвы, когда живешь только здесь и сейчас, на всю катушку, изо всех сил. И ему везло: богиня победы сегодня была на его стороне.

Ангелочком с крылышками она витала над его левым плечом. Яркий контраст между гладиатором в стальных латах и летающей мелочью в шелках и перьях обычно раздражал Андрея. Может, просто завидовал воинам, обласканным таким вниманием. Когда он видел эту картину со стороны, то всегда хмыкал: «Глупость какая-то. Отвратно выглядит». Но сегодня эта мелочь ему симпатизировала и польза от нее была очевидна: одним своим присутствием она утраивала силу удара. Поганые варвары разлетались в разные стороны от его меча и корчились в муках, прежде чем отдать душу своим уродливым диким богам. Если у них вообще были души, у этих трусливых человечков, всегда нападавших по трое. Андрея сейчас это не интересовало.

Почти без усилий пройдя первый кордон ограждения, легко расшвыряв низкорослых желтолицых охранников в меховых шапках, одолев охрану Мертвых Врат (бойцы этой расы напоминали лицом мирных восточных торговцев с рынка, пока не пускали в ход свои кривые сабли с отравленными лезвиями), воин вступил в Притвор Мрака. Битва за ворота сильно ослабила богиню победы, девица над плечом выглядела бледной и усталой, почти прозрачной. Но Андрей никогда не обращал на нее особого внимания, привык рассчитывать на свои силы и сам о себе заботиться. Игры духов его мало интересовали. Он осматривал зал, в который вошел. Здесь он оказался впервые. Грубые каменные колонны, топорно сделанные идола в темных углах, зловеще светящиеся туннели, перегороденные коваными решетками. «В одном из них», – только и успел подумать Андрей, как решетка справа поднялась, и оттуда вышел ... он сам.

Точная копия: лицо, волосы, одежда, оружие, доспехи. Всё повторялось, вплоть до вмятин на нагруднике. Заметив смущение человека, двойник ухмыльнулся, обнажив желтоватые зубы. Они были такие же неровные, как и у Андрея. «Сейчас сам узнаешь, каков ты в бою», – хмыкнул оборотень и, сделав пару его фирменных взмахов мечом, пошел на человека в атаку.

Убить самого себя оказалось совсем не просто. Силы – равны, мастерство – одинаковое. В один из моментов Андрей даже подумал, что ему – крышка. Но девица с крыльями

над левым плечом, оказалось, давал преимущество в бою: почти идеальный соперник упал на колени, выронил меч, закрыл голову руками, а потом посмотрел на человека. Глазами пацана-подростка, Пашки, младшего брата Андрея.

– Нежить подлая, – заорал воин и поднял меч.

– Не убивай, – вскрикнула бледная девица над плечом. Но меч уже было не остановить. Юноша и богиня победы исчезли одновременно. Исчезли и решетки на всех туннелях. Андрей остался один в темноте. Куда идти, он не знал.

Ему предстояла еще финальная битва в капище. Если удастся одолеть того, кто прячется в темноте, то... Говорят, там жуткий монстр: мерзкое чудовище, отец лжи и зла, многорукая тварь, чьи длани обгарены кровью невинных. Минотавр и Горгона по сравнению с ним – наивные грёзы юных дев. Пусть эта крылатая крошка над левым плечом не изменит Андрею сегодня, тогда нынешняя ночь станет последней в битве Добра и Зла. И он него, от Андрея будет зависеть, каким мир проснется завтра. Но куда же идти? «Неважно, – решил будущий спаситель мира, – это же последний уровень». Но не смог двинуться с места.

Тело больше не слушалось. Не реагировало на команды, не управлялось ни мышью, ни кнопками курсора. Фигура воина застыла в неестественной позе: полушаг вперед, полувзмах меча.

– У, завис, гад, – Андрей в сердцах нажал три волшебные кнопки «ctrl+alt+delete». Экран послушно погас, затем засветился вновь до одури умиротворяющей стандартной заставкой «Винды». На душе у Андрея стало тоскливо, а в голову лезли одни банальности о компьютерах, как о второй реальности, и о надвигающемся зачете по органической химии: «Еще мгновение назад в твоих руках была власть решать судьбу войны добра и зла, а теперь ты просто ночной сторож на подмене в заштатной прачечной маленького Мухос... городишки. Какого хрена ты играешь в игры, а не учишь химию, Андрюха? Ты же губишь свою жизнь, как говорит мама».

За окном шел дождь. Он шептал что-то земле. Наверное, что-то неприличное, потому что та таяла и раскисала. Как и настроение Андрея. Парень выключил комп и совершенно бездумно минут пятнадцать пялился в дальний угол вестибюля, в котором коротал время дежурства за игрой во «Врата Ужаса». Сейчас, после проигрыша, ему не хотелось ничего. Совершенно ничего, даже спасать мир, как он мечтал в детстве и в компьютерной игре. Андрей склонился к столу, положил голову на локти и слушал дождь. Он пытался услышать, что такое тот рассказывает. Дождь шепчет земле истории о небесах, как уверяет одна страшная с виду бабулька, соседка парня по коммуналке. Их нужно только уметь услышать.

Бабка Лида – настоящий Божий одуванчик. Причем уже лет двести, судя по виду. Дунь – она и рассыплется. Сорвет ветром с ее головы светлый платочек, и душа тело покинет, наверное. Отлетит ее душа на небо, к дождям, что сказки земле рассказывают. Хотя, кто ее знает, довоенные бабки, они крепкие, нас всех переживут.

Андрею вспомнилось их первое знакомство. Он только на накануне снял комнату в двухэтажном мазаном бараке, бывшем некогда офицерским общежитием. Сейчас – обычная коммуналка с общей кухней и удобствами в конце коридора. В конце такого коридора в темноте они и столкнулись. Андрей даже выругался сквозь зубы, от неожиданности, конечно, не со зла, не со страху. Хоть и вид у бабки был устрашающий: поллица в ошметках и глаз стеклянный. Карга – каргой. Соседка по секции оказалась. Потом парень с ней и здороваться-то боялся. Мы же зачастую судим о человеке по его внешности. Бывает, что и не обманываемся. Но баба Лида – не тот случай. Ей бы стихи писать. О сказках дождевых струй, что шептались за окном в ночи.

Понять смысл сказанного дождем сегодня Андрею снова не удавалось. Он, как и много раз до этого, слышал лишь монотонный шум, и, в конце концов утешил себя тем, что учится не на лингвиста, а на химика, а значит нет у него способностей к языкам. Хоть и интересно это было бы: понять, о чем рассказывает дождь. Но, не судьба. Нет у Андрея в судьбе ничего

интересного. С этим и заснул молодой ночной сторож прачечной «WHITE» в ночь Страстной пятницы перед Пасхой.

Проснулся он в полной темноте, от знакомого, но постороннего звука. И это был не дождь за окном.

Анальгин

На прошлой неделе бабе Лиде исполнилось семьдесят. Исполнилось тихо, незаметно. И настоящим подарком в тот день была ясная солнечная погода. Такая яркая, что, казалось, солнце звенело в зените. Накануне ночью южный ветер разогнал метлой бледные тучи, что висели над городом не первый день и казались вечными. И весеннее утро улыбалась Лидии, день ласкал предчувствием теплого лета, что не за горами, вечер был тихим и свежим как яблоневый цвет. Ночь несла покой. Другого подарка не нужно было одинокой пенсионерке. Других и не было.

На следующий день тучи снова сомкнулись над крышами серых пятиэтажек. Но это были совсем не те тучи. Через них солнце уже даже не просвечивало, такими они стали плотными. Беременными дождем. Все кости начинало потихоньку выкручивать: верная примета – дождь пойдет через пару дней. "Значит, пора идти в аптеку", – со знанием дела подумала баба Лида. Она не могла допустить брешу в своей круговой обороне от боли и дождя. Ее оружием, ее крепостной стеной, ее "зонтиком" уже давно стали аптечные стеклянные пузырьки. Надо спешить. Старухе не нужны неприятности.

В непогоду болят старые переломы и зубы, которых давно уже нет. "Фантомные боли", – говорят Лидии врачи и прописывают спазмолитики и седативные.

– С вашим сердцем вам нельзя принимать анальгин, он влияет на сердце, – щебечет молоденькая врач-кардиолог.

– С вашим болевым порогом обязательно нужно обезболиться, – солидно басит невропатолог и выписывает новые лекарства.

– С вашей пенсией вы можете позволить себе только валерьянку, – шутит краснощекая аптекарша "в самом соку" и продает ей дешевые лекарства "по ветеранским льготам".

– С вашим отношением чудо, что я вообще живу, – ворчит баба Лида, перекладывая кулек с аптечными "гостинцами" в свою "походную" сумку из плащевки.

"Гостинцы" зачастую бывают с истекающим сроком годности. Среди них частенько находится анальгин в бумажных пачках. Таблетки при вскрытии уже отдают желтизной. Зато валерьянка – в маленьких пенициллиновых пузырьках. Как игрушка-погремушка для малыша, которого у Лиды никогда не было.

Бабке Лиде нравится зажать такой пузырек в ладони и потрясти. Таблетки весело звенят и на душе легче. Она никогда не выбрасывает аптечные пузырьки.

Ее комната в коммуналке полна склянок, пузырьков и пакетиков от лекарств. Больше всего она любит цветные пузырьки: отражения от них тоже цветные. Она расставляет стекляшки на полках у окна и на подоконнике и солнышко играет на их пыльных боках, когда заглядывает в ее окно. Бывает и солнечные зайчики пляшут на стенах: белые, коричневые, почти красные. Лиде в такие минуты кажется, что она внутри калейдоскопа и ей весело от этого. А зеркал в ее комнатке нет. Она ненавидит зеркала. Даже в обтрепанном кошельке в шелковой стенке на месте вделанного зеркала аккуратная заплатка из черного сатина. Края обшиты через край черной ниткой.

Лида пьет "седативные" и "спазмолитики" в дождь. Когда всё крутит и выламывает и боль такая, что ни сесть, ни встать. Когда хоть на стенку лезь и даже дыхание перехватывает. Когда слезы наворачиваются на глаза. И если не выпить таблеток, приходит Он. Ее личный ангел-мучитель. Если дождь, боль и слезы, он почти всегда приходит. И нет для одинокой Лидии большей радости, чем видеть его, и нет большего горя, когда он уходит. Глупая, она не может радоваться, тому, что вместе с ним уходит и боль ее тела. Лида знает: как только последняя слеза соскользнет с ее ресниц, как только взгляд её обретет ясность, ангел исчезнет, растает как

слезы под дождем. И будет пусто: нет боли, нет его. Нет ангела, нет боли. Ничего нет. Словно ты умер.

Бабка Лида не смогла сходить в аптеку загодя: то соцработники нагрянули с очередной уборкой, то местные журналисты решили взять интервью, то пенсию принесли заранее, чтоб на Пасху не возиться, то жуть какая-то навалилась от всей суеты вокруг, что ни шагу ступить из комнаты. И невыносимо одиноко. Вот так внезапно навалится одиночество, словно и не твое оно, а извне наступает на тебя и проглатывает. И начинаешь жалеть себя, проваливаешься в прошлое и так можно просидеть целый день.

Но тучи становились всё темнее с каждой минутой, суставы начинали ныть всё отчетливее, и откладывать поход за лекарствами больше не представлялось возможным. Старуха повязала шерстяной платок на голову, обыкновенно пряча свое уродство за темной тканью, накинула пальтишко и пошла в аптеку. Если она не успеет до дождя – не миновать ей встречи с ангелом.

Лидия впервые встретила с ним в пять лет. Был дождь, ей было больно, она задыхалась от боли, и пришел он. Зачем ей не дали умереть тогда, когда немецкая овчарка охранника откусила ей пол лица? Зачем ангел спас ей жизнь, отпугнув эту зверюгу? Ангел закрыл Лидочку крыльями. Крылья видели двое: она и немецкая овчарка с окровавленной мордой. Девочка выжила, а собака вскоре издохла. Искалеченную Лидочку даже пристреливать не стали: бросили под дождем. И все ушли куда-то в дождь, куда-то, где что-то громко стучало: то ли поезда, то ли автоматы.

При первой встрече ангел показался Лиде молодым мужчиной, белокурым и сильным. Она приняла бы его за немца из охраны их этапа, если бы не крылья. Он сложил их шатром над головой, но крылья были такие огромные, что получился целый дом над ним и девочкой. Их двоих, ее и ангела, никто, наверное, не видел в тот момент. Но Лиде стало вдруг тихо, и не больно. Она не знала точно, только чувствовала, сквозь пелену застилающих глаза слез – ангел смотрит на нее. Девочку нашли какие-то люди. Они не видели ангела.

Потом в детстве, уже после войны, в детдоме, Лида часто оставалась одна. Никто не хотел с ней играть, и ей часто было больно, даже плакать больно. Она только потом поняла почему. Никому неприятно иметь дело с уродиной. Да еще и с больной на голову. Разве может советская девочка видеть ангелов? Не может. Она точно повредила в уме, когда была в концлагере и овчарка порвала ей лицо. Жалко, не дай Бог кому другому такое пережить. Но лучше держаться от нее подальше: своего горя в жизни хватает. Вот так и в юности она оставалась одна. Постоянное одиночество приучает к жадности до чужих жизненных деталей. Бабка Лида страсть как полюбила наблюдать.

До аптеки недалеко. Можно даже пешком пройтись, да и ноги еще не скрутило в узлы от боли. Можно доковылять туда в своих "прощай-молодость" ботах, а по дороге поглазеть на людей. Пятница, предпраздничный день, много чего увидеть можно. Баба Лида пошла через сквер. Еще голые березы и клёны переплетались ветвями над сырыми дорожками аллеи. Летом это красиво, это сказочно зимой, но голые ветки, да еще на фоне серого неба напоминают проволоку. Если бы не набухшие почки, было бы совсем безрадостно. Слава Богу, кое-где почки даже лопнули и самые смелые листочки уже выглядывали зелеными флажками. Старуха ковыляла по растрескавшемуся асфальту, старательно обходя лужи и ожидая, что увидит что-нибудь интересное. Но как назло не было даже воробьев. Она уже было смирилась с тем, что ничего сегодня не расскажет соседям по коммуналке, как вдруг налетел ветер и из-за спины принес запах лилии. Смех и крики послышались мгновением позже.

– Стой, держите их! – кричали молодые голоса. – Куда?!

– Отстаньте, надоели! – отзывался серебристым смехом девичий голос, – Бежим, ну их! – и смех. Смех от счастья. Его не с чем не спутаешь.

Держась за руки, задыхаясь от счастья, смеясь, мимо по серому асфальту пробегает пара: он и она. Они хохочут и оглядываются, они не разнимают рук и смотрят друг на друга, они бегут вперед и вдруг он подхватывает ее на руки и кружит, словно ветер – осенний лист. Он – в черном костюме с белой розой на лацкане. Она в белом платье из тафты и кружев. Шлейф и фата развиваются у нее за спиной, как ангельские крылья. В руках у нее букет огромных белых лилий. Красивые, какие они красивые...

"Сбежали от шумных гостей", – понимает Лидия. А молодые уже далеко, в конце аллеи. И толпа нарядных друзей с топотом и смехом бежит им вдогонку. Старуха продолжает свой путь, незамеченная никем из свадебного переполоха. Слезы наворачиваются на выцветшие бабкины глаза, когда в конце аллеи она натывается на сломанный цветок лилии. Его белые лепестки смяты и расчерчены темными заломами, как шрамами. Усилием воли Лида подавляет ком в горле. Аптека сразу за оградой сквера. Ей нужно попасть туда до дождя.

Конечно, все знают, что главное родиться счастливой, а не красивой, что с лица воду не пить, что не всё то золото, что блестит, но даже на паспорт бабушку Лиду фотографируют только в профиль, и даже фотограф стыдливо опускает глаза и не просит улыбаться. Вот так остаются одинокими на всю жизнь. Хорошо хоть ведьмой в лицо не зовут, но в темноте прохожие, столкнувшись с ней на улице, пугаются. Можно любить людей после этого? Она и не любила.

Тучи всё сильнее сгущаются и ветер всё больше пахнет влагой. "Минут десять осталось до первых капель", – понимает баба Лида. Боль нарастает, до дома уже не дойти. Но можно ведь выпить пару таблеток прямо в аптеке. Какое, в конце концов, дело людям, где будет пить таблетки старая женщина с единственной половиной лица? Лишь бы в аптеке был анальгин.

Она засунет его в рот, и будет рассасывать как леденцы, зажмурится, чтоб не заплакать ненароком, и откроет глаза только когда почувствует, что боли нет. Тогда она не увидит ангела.

Он оставался таким же красивым, сильным, светлым и молодым все те годы, когда Лидия видела ангела: и в свои невинные десять лет, и в бунтарские пятнадцать, и в отчаявшиеся двадцать пять, и в смирившиеся тридцать, и уставшие пятьдесят. Он смотрел на нее своими огромными ясными глазами, сиявшими на самом прекрасном в мире лице. Ангельские кудри спускались ему на плечи, а за спиной трепетали огромные крылья. Он всегда молчал, и никогда к ней не прикасался. Он мог появиться из любого места: выйти из темного угла или шагнуть сквозь оконную раму, возникнуть там, где упала слеза. Лидин ангел. Он не менялся, не менялось его лицо и свет от крыльев. Только с каждым годом он становился всё дальше от взрослеющей калеки.

В пять лет Лида пряталась от боли в домике из ангельских крыл. В десять сидела с ним на соседних стульях в школьной столовой. В пятнадцать их разделяло уже больше метра. Тогда она поняла, что влюбилась и что даже он отодвигается от нее.

Ее уродство навсегда отделило ее от мира ровесниц, хихикавших с ровесниками и томно вздыхавших по старшим ребятам в детстве, от соработниц и наставниц по швейной фабрике, с их романами, интрижками и честной семейной жизнью в юности.

Но какой бы ты страшный не был снаружи, тебя не покинут желания: если не быть любимой, то хотя бы любить. Лишь бы был кто-то рядом. А рядом с Лидией был только ее ангел. Он был добр, с ним было хорошо. И когда в двадцать она заметила, что он отходит от нее всё дальше с каждым годом, ей стало так горько, так горько: и он тоже стыдится ее уродства!

Сначала она думала, что будет колоть себе пальцы швейной иглой, чтоб сделать как можно больнее, чтоб приходил и сидел у нее в изголовье, чтоб привык и пожалел. Чтоб она только могла смотреть на него. А потом представила себе как ему противно, должно быть, приходиться к больной заплаканной калеке, которая меняется день ото дня, становится старше, страшней и вреднее. Ему, красивому и нестареющему, сияющему и сильному, сидеть с ней в ее жалкой комнатке и утирать ей сопли, которые к тому же она сама и спровоцировала специально. И мерзко ей стало. В тот момент ей на глаза попался первый аптечный пузырёк: в нем

был дешевый простроченный анальгин. Так Лидия подседа на аптекарские снадобья. И не слезает с них по сей день.

Сей день грозил разразиться ливнем с минуты на минуту. Свет изменился: вместо светлой прозрачной, хрупкой серости, похожей на льдинку в ручье или девичьи мечты о счастье, в которое умчалась молодая пара, у неба появился суровый темный оттенок цвета солдатской шинели. Над крышами домов тучи стали сливового цвета.

"Сейчас ливанет, – поняла баба Лида, подняв свои поллица к небу. Тяжелая капля упала на ее пустую глазницу. И с болью лопнул в ее голове, заполняя всё вокруг, растекаясь от затылка и выше, к ушам, к глазам. Спазмы боли сжимали виски, лобная кость трещала и раскалывалась. – Не успела". И дальше дождь рухнул стеной. Настоящий первый весенний ливень, он промочил всё, что могло промокнуть, но это Лиде было уже не важно.

Всё, что ей стало нужно, так это две маленькие желтоватые таблетки за грошовую цену в ближайшей аптеке. И она побежала. Вы когда-нибудь видели, как бегают старухи? Это смешно и ужасно одновременно, унизительно и неприлично. И значит, происходит что-то по-настоящему ужасное. Вопрос жизни и смерти, трагедия чуть меньше вселенской. Для них, по крайней мере.

Мокрым чудовищем влетела Лидия в чистенькую аптеку. Бурая вода стекала из вымокших "прощак", грязные следы отпечатывались на серых ступеньках. Совсем молоденькая, наверное, новенькая девчулька почти закончила вытирать такую же темную лужу на линолеуме у кассы. Как уже достали эти нищие старики. Что эта бабка, что тот дед у окна: одинокие, грязные, мокрые, даже похожи друг на друга. Она в их возрасте, лучше уж покончит с собой, чем будет жить в таком состоянии.

– Анальгина, – выдохнула бабка в окошко аптекарши.

– Нету, – отрезала та. – Закончился. Вон мужчина у окна последний забрал, – фармацевт кивнула в сторону. Лучше бы уж снесла голову с плеч. Но Лидии было так больно, что она готова броситься в ноги к мужчине у окна. «Сынок», – уже приготовилась умолять она. Побелевшим от боли единственным живым глазом, в котором всё плыло и туманилось, она повернулась на свет и не увидела никого.

– Он ушел? – голос старухи дрожал.

– Только что, – через губу отозвалась девица.

Лидия бросилась к двери и выскочила на улицу под осуждающими взглядами аптекарских дамочек.

Далеко бежать ей не пришлось. Он сидел на ступеньках у входа в аптеку. Мокрый, серый продрогший и совершенно седой. Он вертел в руках бумажную пачку с блеклыми буквами и ждал ее. Он – ее ангел. На огромные белые крылья были аккуратно надеты целлофановые пакеты, что раздают бесплатно в супермаркетах под покупки. Дождинки собирались в тонкие струйки и стекали по пластику вниз, за шиворот серого пальто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.